

Наследие Андреева в музеях

УДК 069.532

Икитян Людмила Нодариевна

Кандидат филологических наук,
главный редактор журнала «Гуманитарная парадигма»;
Российская Федерация, Армянск, e-mail: gp_glavred@mail.ru

Полушина Татьяна Викторовна

Заведующая Домом-музеем Леонида Андреева,
Орловский объединённый государственный
литературный музей И. С. Тургенева;
Российская Федерация, Орёл, e-mail: muzeyandreeva@yandex.ru

ДВА ДОМА — ДВЕ ЖИЗНИ: ОБНОВЛЁННАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ ДОМА-МУЗЕЯ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

В статье представлено новое концептуально-экспозиционное решение обновлённого Дома-музея Леонида Андреева в Орле. Его отличает появление экспозиции, рассказывающей о «финском» периоде жизни писателя. Рассмотрены и описаны новые интерьеры двух музейных залов, в которых организована выставка не так давно пополнивших коллекцию музея аутентичных предметов из дома Андреева в Финляндии. В новом подходе своеобразие орловского дома Андреевых органично совмещено с идеей дома писателя на Чёрной речке в рамках концепции «Два дома — две жизни». Новая концепция музея позволила собрать воедино всю андреевскую коллекцию: подлинные предметы интерьера и обстановки «виллы Аванс» обрели своё место в подлинном доме писателя в Орле.

Ключевые слова: Леонид Андреев, дом-музей Леонида Андреева в Орле, дом на Чёрной речке, Финляндия (Ваммельсуу), экспозиция.

Lyudmila N. Ikityan

PhD in Philological sciences, chief editor
of the magazine «Humanitarian paradigm»,
Russian Federation, Crimea, Armyansk

Tatiana V. Polushina

Head of Leonid Andreev house-museum,
Ivan Turgenev Orel United State Literary museum;
Russian Federation, Orel

TWO HOUSES — TWO LIVES: UPDATED EXPOSURE OF THE LEONID ANDREEVHOUSE-MUSEUM

The article presents a new conceptual and expositional solution of the renovated Leonid Andreev House-Museum in Orel. He is distinguished by the appearance of an exposition telling about the “Finnish” period of the writer’s life. The new interiors of two museum halls are examined and described, in which an exhibition of genuine objects from Andreev’s house in Finland, not so long ago replenishing the museum’s collection, is organized. In the new approach, the originality of the Andreev’s house in Orel is organically combined with the idea of a writer’s house on the Black River in the framework of the concept “Two houses — two lives”. The new concept of the museum made it possible to put together the entire Andreev collection: the authentic interior and furnishings of the “Villa Avans” found their place in the authentic writer’s house in Orel.

Key words: Leonid Andreev, house-museum of Leonid Andreev in Orel, house on the Black River, Finland (Wammelsuu), exposition.

Для цитирования:

Икитян, Л. Н., Полушина, Т. В. Два дома — две жизни: обновлённая экспозиция Дома-музея Леонида Андреева // Гуманитарная парадигма. 2019. № 3 (10). С. 109–126.

Понятие «дом» для Леонида Андреева всегда имело особое значение. Маленький дом, по словам писателя, «это тот уголок, куда ты с радостью бежишь, чтобы согреться, где тишина и всё своё». Большой дом — «Россия с её могучей опорой». Просторный дом — «искусство-творчество, куда уходила душа».

Дом Леонида Андреева — это, прежде всего, родная улица города Орла — «домашняя Пушкарная», как её называл писатель. На ней отцовский дом — символ детства, память о котором Андреев пронёс через всю жизнь. Однако «дом Андреева» — это ещё и построенный писателем взамен утраченного отцовского на далёком от «чернозёмной» России Карельском

перешейке, в финском посёлке Ваммельсуу (сегодня в российском Серове), в южной его части вблизи протекавшей здесь Чёрной речки. История этого региона на сегодня тесно связана с жизнью здесь Леонида Андреева на «вилле Аванс».

Сегодня в орловском доме, построенном в 1874 году по собственному проекту отца писателя, располагается единственный в России музей Леонида Андреева. В нём писатель вырос, прожив здесь со своей семьёй 20 лет. В 1894 году в связи с трудным финансовым положением матерью писателя дом был продан. К счастью, постройка, многое пережив, уцелела и уже почти три десятка лет существует в статусе Дома-музея Леонида Андреева.

Музейные экспозиции орловского дома всегда представляли жизнь и творчество писателя объёмно, хотя, понятно, сосредоточены были на орловской локации. 24 года с момента своего открытия Дом-музей презентовал главным образом орловский период жизни — детство и юношество — Леонида Николаевича Андреева. «До недавнего времени экспозиция полностью воссоздавала атмосферу и интерьеры орловского мещанского дома — самовары, ажурные лампы, кружевные салфетки» [11]. Жизнь же писателя в далёкой Финляндии, где Андреев решил обосноваться после многих лет московской и петербургской жизни в съёмных квартирах, в экспозиции представлена не была...

Однако в последние годы коллекцию музея посчастливилось пополнить множеством аутентичных вещей из дома писателя на Чёрной речке. Сначала эти предметы интерьера и мемориальные экспонаты выставлялись в Музее писателей-орловцев, но вскоре было принято решение объединить андреевскую коллекцию и выставлять её в доме писателя по улице 2-я Пушкинская, 41. Так у музея появился шанс значительно расширить свои экспозиционные возможности и репрезентировать уже все периоды жизни выдающегося земляка. Несколько первых из находящихся в ведении музея комнат остались неизменными, в них по-прежнему освещается орловский период жизни Андреева и его семьи. В двух же комнатах создан новый интерьер — представлены свидетельства жизни и творчества писателя последних лет.

О новом концептуально-экспозиционном решении сотрудников Дома-музея, в котором своеобразие орловского дома Андреевых органично дополнено фактами жизни писателя в доме на Чёрной речке, и пойдёт речь.

ПО «ФИНЛЯНДСКИМ» ЗАЛАМ ОРЛОВСКОГО ДОМА АНДРЕЕВА

Впервые в Финляндию Андреев приехал в апреле 1906 года. Летом следующего — отдыхал в поселке Куокалла на даче Фиельди по соседству с Н. Сергеевым-Ценским, уже тогда принял решение поселиться в Финляндии, построив собственный дом. Его строительство начнётся в 1907 году. И уже весной — 26 мая — 1908 года Леонид Андреев поселится в доме своей мечты, где проживёт вплоть до самой смерти в сентябре 1919 года.

Желание обосноваться на берегах Финского залива было вызвано необходимостью начать жизнь с нуля после утраты горячо любимой жены Александры Михайловны, «дамы Шуры». С 1906 года — года её смерти — Андреев покидает Москву, где после этой трагедии ему, вероятно, было «тяжело заводить прочную, оседлую жизнь» [8, с. 135], и переезжает в Петербург: «Его душевное настроение было бурно-мрачное, с какими-то срывами. Перегорало горе и разъедало, но натура живая, страстная гнала вперёд» [Там же]. Поэтому дача задумывалась Андреевым как своего рода «крепость» для защиты её хозяина не только от внешнего мира, но и от душевных терзаний.

По обыкновению того времени многие россияне, и особенно жители Санкт-Петербурга, «осваивали» близлежащие финские земли для летнего дачного отдыха. Со строительством железной дороги, связавшей Санкт-Петербург с городами и посёлками Финляндии, эта традиция укрепилась и вошла в моду [4; 10]. Возможностью уйти «из города» «в глушь, в одиночество, в снега»¹, уединиться на лоне озёрно-лесных пейзажей «скромной, глубоко человеческой финской» природы и, главное, моря «правильного серо-зеленого цвета» [1] писатель и воспользовался.

Возведение грандиозного дома на Чёрной речке, способного вместить многочисленную семью писателя и всех его гостей, стало возможно и благодаря укрепившемуся материальному положению Андреева в годы расцвета популярности его как писателя и драматурга. Масштаб читательского внимания к фигуре художника в 1900-е годы сделал его, пожалуй, самым издаваемым литератором России в этот период. Популярность Андреева была такова, что не было дня, чтобы та или иная газета не поместила заметки о нём. Леонид Николаевич даже шутил: *«Количество написанного обо мне значительно превышает количество, написанного мной»*. Выходили открытки с изображением писателя и со сценами из спектаклей, поставленных по его пьесам. Даже выпускались конфеты с названиями его произведений. Дневниковая запись Андреева

¹ Из письма Андреева к Горькому, август 1907 г.

от 9 октября 1907 г. гласит: «Как писатель ещё поднимаюсь. И уже наполовину европейский. В России меня, кажется, считают первым (конечно, после Толстого). И я очень несчастлив. Живу в Петербурге. В Финляндии купил землю и строю большую дачу. Проживаю в год 12–18 тысяч» [2, с. 218]. Гонорары Леонида Андреева, действительно, были одними из самых значительных. Именно на авансированные публикаторами собрания его сочинений 100 тысяч рублей и был построен чернореченский дом — «вилла Аванс».

Достаточно беглого взгляда на представленный в экспозиции макет, чтобы понять, насколько различна архитектурная стилистики «первого» и «второго» дома Андреева. Первый, родительский, — русский «барский» дом с фасадом, украшенным кружевом деревянной резьбы [12, с. 4–5], второй — дом-крепость, дом-замок, дом-фабрика со множеством переходов, площадок в стиле северного модерна и элементами финской архитектуры. При этом оба дома поражали воображение окружающих. Но если дом, построенный отцом писателя², был диковинкой исключительно для жителей окраинной улицы города Орла, заселённой ремесленнической беднотой: «сапожниками, пенькотрепальщиками, кустарями-портными и иных свободных профессий представителями» [12, с. 6], то «финляндский» дом Андреева грандиозностью и оригинальностью своих архитектурно-интерьерных решений способен был поразить даже избалованную разнообразием русских дворянских дач финскую «публику» [11].

Макет дачи на Чёрной речке в Финляндии.

Худ. С. П. Вагин.

Автор фото А. Правдин. Предоставлено пресс-службой дома-музея Леонида Андреева

² Удивлял этот дом своими как размерами — в десять комнат с коридором-террасой вдоль всего дома, так и деталями декора и обстановки, например, фигурной межкомнатной аркой (из гостиной в кабинет отца) и редким для домов этой части города роялем.

Замысел дома, каким он виделся Андрееву, был столь же необычен и причудлив, как всё, что связано с личностью этого человека. В результате новая обитель писателя представляла собой большой бревенчатый дом в два этажа, похожий на норвежский замок, с семисаженной четырёхугольной обзорной башней, которую задумал сам хозяин. Представить дачу Андреева на Чёрной речке без этой башни невозможно. На ней побывали практически все гости этого дома, для которых осмотр с неё через подзорную трубу окрестностей был обязательным ритуалом. Лаконичный, стройный облик этого здания с крытой красной черепицей крышей гармонировал с суровой красотой пейзажа Карельского перешейка [6, с. 306].

Архитектор дома на Чёрной речке Андрей Оль — друг и родственник (муж сестры) Леонида Андреева — в своём проекте «подхватил» и развил планы заказчика. «Северный» стиль сооружения он подчеркнул крутой многоскатностью крыш, массивностью внутренних потолочных балок, замысловатостью деталей внутренней отделки, в частности печей и каминов [3]. Огромные дымоходные трубы (каждая, как вспоминал старший сын Вадим, «величиной с небольшой домик») свидетельствуют о наличии громадных печей и каминов, которых в доме, действительно, было много — двадцать печей на пятнадцать комнат. Об их «прожорливых» топках вспоминали и члены семьи (Вера Андреева), и многие гости (К. Чуковский). При всей их непрактичности исследователями всё же признаётся, что «интерьеры дачи Л. Андреева на Чёрной речке украшал единственный в своём роде на Карельском перешейке настоящий ансамбль высокохудожественных печей и каминов по проектам А. Оля и П. К. Ваулина, изготовленных в художественно-керамическом производстве „Гельдвейн-Ваулин“» [13].

Уникальной была и мебель этого дома. Андреев редко покупал вещи в магазинах — их он придумывал сам. Бóльшая часть мебели дома в Финляндии изготовлена по эскизам писателя. Поэтому её смело можно признать авторской. Причём отличительной чертой андреевской мебели является её масштабность. Придавали оригинальности также расписанные самим писателем углём и карандашом стены огромного кабинета — это копии с офортов Ф. Гойи и собственные картины в холле и коридорах (подобные известному изображению голов Иисуса Христа и Иуды Искарота [9, с. 273]).

В отличие от орловского дома «вилла» имела два этажа, вместо десяти комнат — пятнадцать, весьма внушительного размера. Главным помещением на втором её этаже был кабинет Андреева, большой настолько, что, по суждению писателя, мог вместить шесть из десяти комнат отцовского дома [1]. К кабинету примыкала библиотека, их разделял только занавес с потолка до

пола. Из кабинета был выход на просторный, похожий на палубу корабля балкон. Размеры, отделка и мебель рабочего кабинета более, чем интерьеры других комнат, отражали вкус писателя, понятый и раскрытый архитектором «виллы Аванс».

Уголок кабинета Л. Андреева в доме на Чёрной речке.

Фото К. Булла из журнала «Нива», 1912, № 48

Однако при значительной, кажущейся кардинальной разнице кое-что роднило дом детства Андреева и его дом-крепость. Первое — это общая для писателя и его отца тяга к природе: *«Нынешней весной окончательно и на лето и на зиму поселюсь в Финляндии. Цель — сближение с природой, которую я люблю бесконечно... Вот первая книга, которую я прочёл, и единственная, которую я могу читать всегда, не скучая... Она и только она приводит меня к потерянному равновесию»*. В Финляндии писатель, как и ранее его отец в Орле, положит немало сил на благоустройство сада, из года в год упорно высаживая деревья, которые плохо приживались в суровых условиях севера. Как и в доме андреевского детства, украшением первого этажа дома в Финляндии была роскошная терраса, посредством которой холл (служивший столовой и гостиной) сообщался с садом. Просторный стеклянный коридор-веранда вдоль всего дома в Орле также открывал вид на густую зелень пышного сада.

Снимок «ночной» дачи Л. Андреева. Хорошо видна высаженная писателем аллея.

Фото из эмигрантского журнала «Жар-птица» (Берлин), 1921 г., № 2

Второе — русская душа хозяина. Андреев, хотя и искал в шхерах Финляндии новой жизни, оставался здесь русаком-орловцем, выразителем скорее добродушной московскости, нежели петербургско-финляндской сдержанности. Борис Зайцев вспоминал: «...был в Андрееве мягкий орловец, он любил тёплый домашний быт, никогда в нём не умирала жилка московского студента легендарных времён; он любил русское, нашу природу, пруды и влажные, благоуханные вечера после дождя в Царицыне (под Москвою, где он жил летом), белые берёзы и поля Бутова...» [8, с. 132]. И хотя Андрееву «казалось, что воздух севера, воды Финляндии, её леса и сумрак ему ближе, чем берёзки Бутова», всё же было убеждение, что «его натура не укладывалась вся в Финляндию...» [8, с. 137]. Поэтому дача писателя на Чёрной речке, хотя и «выражала новый его курс», при этом «и шла, и не шла к нему» [Там же].

Благодаря широте и гостеприимству души Андреева, его новый дом быстро стал один из центров общественной и культурной жизни Петербурга и Финляндии начала XX века: «Хорошо было удалиться из столицы, но <...> столица перекочевала к нему...» [8, с. 139]. Сюда приезжали обсудить новинки литературы и театра, пообщаться со знаменитым хозяином, погостить и, конечно же, отдохнуть. В этот огромный гостеприимный дом словно был перенесён дух и атмосфера «домашней Пушкарной». Поэтому экзотику дома на финских скалах «размывали» провинциальные привычки его радушного и хлебосольного хозяина. Недаром Леонида Николаевича неуклонно тянуло на

родную орловскую землю. В последний раз побывать на малой родине ему довелось в 1910 году. Возвращаясь в середине апреля из Крыма, Андреев заехал в Орёл. Побывал в родном доме, уже принадлежавшему другому хозяину. С удовольствием гулял по улице детства.

Ещё одной ниточкой, крепко связывающей два дома, была мама Леонида Николаевича — постоянная спутница своего горячо любимого сына. Без малого полвека она была его ангелом-хранителем, а он, её первенец, — центром её мира. На стене комнаты Анастасии Николаевны в новом доме висел большой портрет старшего сына — «очень серьёзный маленький мальчик, чем-то похожий на Наполеона, важно сидел в плетёном креслице. Мне, — вспоминала дочь Андреева Вера, — всегда как-то не верилось, что наш папа мог быть когда-то таким вот мальчиком вроде Саввки (старший родной брат — Л. И.), которого, может быть, тоже шлепали и ставили в угол за шалости. Однако внимательный и печальный взгляд мальчика и суровая складочка между тёмными бровями убеждали, что это всё ж таки папа» [9, с. 284]. Карандашный рисунок с фотографии, словно перекочевавшей из комнаты чернореченского дома, встречает посетителей музея в Орле.

Экспозицию финского периода жизни в Доме-музее Леонида Андреева составляет подлинная мебель из его дома на Чёрной речке. Это:

- мягкий диван с дубовым резным низом;
- дубовые стулья;
- дубовый письменный стол с рельефными украшениями;
- зеркало, обрезанное и вставленное в дубовую раму;
- настенный дубовый шкафчик-аптечка.

Экспозиция «финляндского» зала: справа — стол с пишущей машинкой, на стене зеркало, слева — диван и стул.

Автор фото А. Правдин. Предоставлено пресс-службой дома-музея Леонида Андреева

С каждым из этих предметов связана своя история. Так, например, стол писателя был привезён с Чёрной речки его сестрой Риммой Николаевной, которой часть мебели перешла по наследству. Позже потомками писателя у стола были подрезаны ножки. Эта мебель находилась в квартире Риммы Николаевны в Петербурге и заботливо ею сохранялась. Даже в тяжелейший год блокады она не позволила ни сжечь, ни продать вещи брата. Позже уникальную авторскую мебель Андреева орловскому музею передали дети Риммы Николаевны.

Небольшое же зеркало когда-то было огромным, во всю стену. Оно является свидетелем случая, чуть не закончившегося для писателя трагедией. Служивший в доме Абрам Ковбасенко повздорил с женой писателя Анной Ильиничной. Андреев, выбежавший на испуганный крик жены, был встречен разгневанным слугой выстрелом. Чудом писателю удалось увернуться, пуля пролетела мимо, в дребезги разбив зеркало за его спиной. Осколки были собраны и разделены между многочисленной родней как оберег, защищающий от опасности и невзгод. В Доме-музее экспонируется одно из зеркал, изготовленных из большого, разбитого выстрелом при покушении на жизнь Леонида Андреева.

Шкаф-аптечка

Автор фото А. Правдин. Предоставлено пресс-службой дома-музея Леонида Андреева

Зеркало, обрезанное от большого

Представлены в экспозиции и мемориальные реликвии. Например, письменные принадлежности писателя: только появившаяся в начале XX века «вечная» ручка с золотым пером, которой Андреев писал свой последний неоконченный роман «Дневник сатаны», и чернильница в виде головы египтянки.

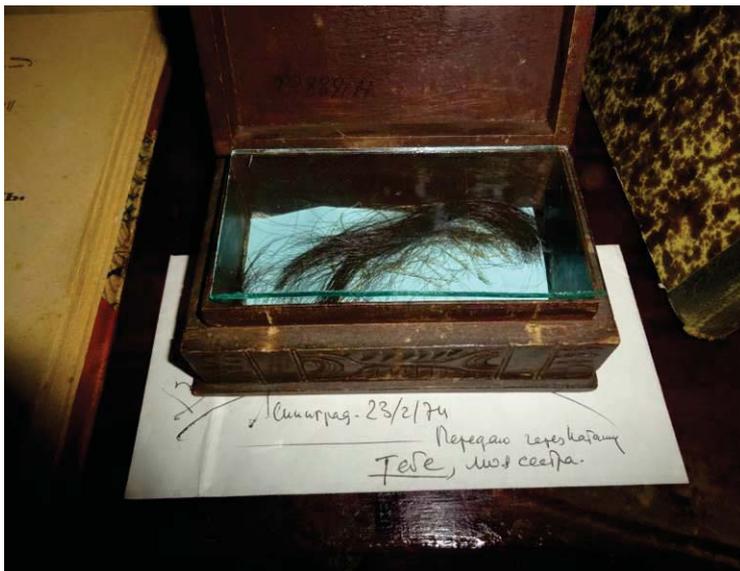
Автор фото А. Правдин. Предоставлено пресс-службой дома-музея Леонида Андреева

Также в музейной коллекции есть андреевский стереоскоп — прибор, который позволял получить объёмное изображение при просмотре фотографий. Здесь же и несколько чёрно-белых снимков, сделанных Леонидом Николаевичем. С них он и начинался как фотограф. Стереоскоп с фотографиями совсем недавно принесён в дар музею внучатой племянницей Андреева (внучкой его младшей сестры Зинаиды) академиком Российской академии образования Ксенией Александровной Абульхановой.

Стереоскоп и фотография, сделанная Л. Н. Андреевым
Автор фото А. Правдин. Предоставлено пресс-службой дома-музея Леонида Андреева

Одним из уникальных экспонатов выставки является прядь волос Леонида Андреева, срезанная с головы умершего писателя его вдовой Анной Ильиничной и хранимая её до самой смерти. Оригинальным является и конверт, в котором прядь была переслана прядь отцовских волос. На нём рукой младшего сына Андреева Валентинана писано: «Ленинград, 23/2/1974 . Передаю через Наташу тебе, моя сестра³». В дар музею прядь передана младшей дочерью Веры Николаевны Андреевой, щедрой дарительницей музея Ириной Григорьевной Андреевой-Рыжковой.

Шкатулка с прядью волос Андреева и конверт с автографом сына писателя Валентина.
Предоставлено пресс-службой дома-музея Леонида Андреева

Анна Ильинична — вторая жена писателя (венчание 20 апреля 1908 года в Ялте) — была волевой, умной, эрудированной, знала несколько языков, прекрасно играла на рояле. Была хороша собой. Трижды её портрет писал И. Репин. Леонида Андреева и Анну связывали не только семейные заботы, но и плодотворная работа. Устроенный быт внёс размеренность и в писательский труд: дни и вечера посвящаются гостям и домочадцам, ночи — творчеству. За 10 лет их совместной жизни супругов Леонидом Николаевичем были написаны такие произведения, как «Рассказ о семи повешенных», романы «Сашка Жегулев» и «Дневник Сатаны», многие пьесы, вся публицистика. Расхаживая по своему огромному кабинету, Андреев диктовал рождающиеся тут же произведения, а Анна Ильинична печатала их на машинке «Ремингтон». Представленная в экспозиции печатная машинка подлинная, андреевская, стоявшая в рабочем кабинете дома писателя на Чёрной речке.

³ Сестра — Вера Леонидовна Андреева, Наташа — её старшая дочь, внучка Л. Андреева Наталья Григорьевна Андреева.

Печатная машинка «Ремингтон».

Автор фото А. Правдин. Предоставлено пресс-службой дома-музея Леонида Андреева

Особый период жизни Андреева, да и всей страны, обозначен периодом Первой мировой войны. Известие о её начале Андреев встретил с воодушевлением, надеясь, что «разгром Германии будет разгромом всеевропейской реакции и началом цикла европейских революций». Тогда же Леонид Андреев высказал мысль о том, что война имеет две летописи: первая — это свод фактов, имён и т. д., вторая — «показания очевидцев, письма, стихи, настроения общества». Эта вторая и есть «настоящая, доподлинная история человечества». В произведениях о войне самого Андреева нет описания конкретных событий — в них переданы чувства художника военного времени. Леонид Андреев показал, как война входит в дом в повести «Иго войны», которую в подзаголовке обозначил как дневник «маленького человека о великих днях». Об этом же он написал в личном дневнике, передавая свои чувства при прощании с братом Андреем, в 29 лет ушедшим вольноопределяющимся на фронт и воевавшим в отрядах Колчака.

Друзья и родственники отмечали, что из братьев писателя Андрей Николаевич был наиболее цельным и интересным. Он тоже занимался литературной деятельностью. Интересно, что Андрей взял себе псевдоним — Болховской, подчёркивая принадлежность к орловской земле. Все писания его обнаруживали живой ум и наблюдательность. В 1926 году журнал «Красная новь», опубликовал «Воспоминания о Леониде Андрееве», написанные Андреем. Эти заметки в литературном отношении, пожалуй, лучше и профессиональнее всех других мемуаров, принадлежащих перу близких писателя.

Первая мировая война переросла в России в революцию, которую Андреев не принял. Когда строился и обживался дом в Ваммельсуу, Финляндия ещё входила в состав России, а в 1918 году стала самостоятельным государством. Друг семьи Андреевых Ф. Н. Фальковский, в доме которого писатель нашёл свой последний приют, писал: «Революция отрезала Финляндию от России и вместе с нею отрезала от России и Леонида Андреева. Леонид Андреев не покинул тотчас Финляндии, ставшей „заграницей“, не потому, что не принял новой революционной России, а только потому, что ещё задолго до революции его дача стала его родиной. <...> Андреев не эмигрант; он жил в Финляндии за пятнадцать лет до революции и остался в ней» [14, с. 594].

Таким образом, Андреев оказался вынужденным эмигрантом. И это своё положение он очень сильно переживал. Вот что он писал Николаю Рериху за 8 дней до смерти: *«Все мои несчастья сводятся к одному: нет дома. Был прежде маленький дом: дача в Финляндии, с которым сжился... Был и большой дом: Россия с её могучей опорой, силами и простором. Был и самый просторный мой дом: искусство-творчество, куда уходила душа. И всё пропало... Изгнанник трижды: из дома, из России и из творчества... вместе с гибнущей Россией ушло, куда-то девалось, пропало то, что было творчеством».*

Во втором «финляндском» экспозиционном зале — «Вынужденный эмигрант» — представлена также подлинная мебель из чернореческого дома Андреева: два кресла, столик орехового дерева из комнаты Анны Ильиничны, шкатулка для рукоделия, шкатулка «Храм Весты», большое зеркало и книжный шкаф (который сам писатель именовал полкой). В шкафу книги: прижизненные издания произведений Леонида Андреева.

Экспозиция зала «Вынужденный эмигрант».
Автор фото А. Правдин. Предоставлено пресс-службой дома-музея Леонида Андреева

В Финляндии, в последние годы жизни после получения страной независимости, семье писателя приходилось туго, жили бедно, даже голодали. Старший сын Вадим в книге «Детство» напишет: «Голод, медленное разрушение дома, тоска — так продолжался без зрителей, в пустоте, четвёртый акт «Жизни Человека». В приёмной дома писателя висел его рисунок, занимавший всю стену: огромная фигура Некогого в сером со свечой в руке. Как-то Леонид Николаевич стёр свечу и нарисовал другую, совсем короткую. Вадим спросил: «Не рано ли?» Андреев ответил: «Пора». Это было в 1918 году, а в 1919-м — писателя не стало.

Последнее произведение, над которым работал Андреев в доме на Чёрной речке, был роман о похождениях вочеловечившегося сатаны — под видом американского миллиардера-филантропа играющего на слабостях и пороках людей. И хотя Андреев придавал большое значение роману о жестоком мире, захватившем в свои сети самого Царя-Лжи, закончить работу над «Дневником Сатаны» он не успел.

12 сентября 1919 года писатель скончался от паралича сердца в местечке Мустамяки, на даче своего друга — врача и литератора Фёдора Николаевича Фальковского, куда за несколько дней до трагедии семья писателя переехала, спасаясь от бомбёжек.

Третью своей жизни Леонид Андреев провёл на Карельском перешейке. «Чёрная речка не только проведённые здесь почти безвыездно двенадцать лет жизни писателя из сорока восьми ему отпущенных. Чёрная речка для нас чем-то сродни толстовской Ясной Поляне или пушкинскому Михайловскому, настолько тесно связан с этой землёй Андреев — и творчески, и духовно, и просто перипетиями своей сложной жизни. Ведь не случайно дети его оставят собственные воспоминания о пребывании на берегах Чёрной речки, воспринимая её как свою „малую Родину“» [5, с. 36]. Действительно, о доме Леонида Андреева в Финляндии и жизни в нём живо повествуют произведения детей писателя — Вадима («Детство») и Веры («Дом на Чёрной речке») Андреевых. Хранятся воспоминания о нём в документах родственников, друзей, современников писателя. Много записей посвящено дому в дневниках и письмах самого Леонида Андреева. Незабываемое впечатление производит андреевский дом-крепость на фотографиях. Их много, среди них работы таких маститых фотографов, как Карл Булла и Михаил Никитин. Сохранилась и кинохроника — Андреев в кругу семьи, друзей, на пешей, велосипедной и водной прогулке (фильм А. О. Дранкова, 1910 г.). Но наибольшее количество фотографий дома, его интерьеров, членов этой большой и дружной семьи, друзей и ближайших окрестностей, сделано самим писателем: «...Клочок земли на финской скале стал миром Леонида Андреева, его родиной, его очагом; сюда он собрал свою многочисленную семью, свои любимые вещи, свою библиотеку и из этой добровольной тюрьмы он очень неохотно, только по необходимости выбирался... Где бы он ни находился, он рвался обратно в свой дом, роскошно, уютно обставленный, с сотнями любимых мелочей, из которых каждая невидимой нитью тянулась к его мозгу и сердцу, крепко и властно держа и этот мозг, и это сердце в этой причудливой паутине» [14, с. 594].

Уже давно не существует дома, который с мыслями о родовом гнезде возводил Леонид Андреев. Его судьбу определило время: календарное время усугубило архитектурные просчёты неопытного на тот момент архитектора и страсть «гиперболическому стилю» хозяина, историческое время — утопило «в слезах, крови и убийствах» [7] войн и революций первых десятилетий XX века и Финляндию, и Россию. В 1924 году вдовой Андреева, принявшей решение переехать с детьми в Европу, дом на Чёрной речке был продан... на слом. Несколько лет он — даже «разгромленный, с разбитыми окнами и выбитыми дверями» [Там же] — ещё напоминал о своём прежнем величии. Трудно определить последний день его существования дома, но в 1936 году дома уже не было, как и деревьев сада и аллей, с таким трудом выращенных

Леонидом Андреевым. Дочь Вера Андреева трогательно описывает посещение в это время её братом Саввой родных мест, тогда уже не имевших ничего общего с воспоминаниями их детства [9, с. 376–378].

В наши дни в посёлке Серово (ранее Ваммельсуу) на месте, где когда-то находился дом Андреева, установлен памятный знак писателю (2016). Однако стоит признать, что единственным местом, возрождающим тот период жизни Андреева в реальных и, так сказать, осязаемых формах жизни на далёких берегах Финского залива, является дом-колыбель писателя в Орле. Экспозиция в его стенах полностью воссоздана, а двери обновлённого Дома-музея открыты для знакомства ценителей творчества Леонида Андреева не только с «орловским» периодом жизни писателя, но и с «финским».

Литература

1. Андреев, Л. Н. S.O.S. : Дневник (1914—1919). Письма (1917—1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918—1919) / Под ред. и со вступ. ст. Р. Девиса и Б. Хеллмана. М. ; СПб. ; [Париж] : Atheneum-Феникс, 1994. 598 с.
2. Андреев, Л. Н. Дневник. 1897—1901 гг. / Подг. Текста М. В. Козьменко и Л. В. Хачатурян (при участии Л. Д. Затуловской), сост., вступ. ст. и коммент. М. В. Козьменко. М. : ИМЛИ РАН, 2009. 296 с.
3. Боева, Г. Н. Дневники писателя и Дом на Чёрной речке // Боева, Г. Н. Творчество Леонида Андреева и эпоха модерна : монография. СПб. : Петрополис, 2016. С. 126–154.
4. Велиховский, Л. Н., Кандаурова, Т. Н. Культурное пространство и культурные гнезда Выборгской Финляндии // Документ. Архив. История. Современность. 2009. № 10. С. 110–117.
5. Григорьева, Н. В. Путешествие в Русскую Финляндию. СПб. : Норма, 2002. С. 33–56.
6. Гусаров, А. Ю. Вилла Аванс // Гусаров, А. Ю. Северо-восточные предместья Петербурга : история, архитектура, дачная жизнь. СПб. : Паритет, 2016. С. 305–308.
7. [Дом Андреева в Ваммелсуу] [Электронный ресурс] // Возрождение (Париж). 1927. 28 октября // Ristikivi. Частный архив Карельского перешейка. URL: <http://ristikivi.spb.ru/albums/vammelsuu-andreev-huvila.html>
8. Зайцев, Б. К. [О Леониде Андрееве] // Книга о Леониде Андрееве: воспоминания М. Горького, К. Чуковского, А. Блока, Г. Чулкова, Б. Зайцева, Н. Телешова, Е. Замятина, Андрея Белого. Берлин ; Пб. ; М. Изд-во З. В. Гржебина, 1922. С. 125–146.

9. Леонид Андреев. Далёкие. Близкие: сборник / Вступ. ст., подгот. текста, сост., коммент. И. Г. Андреевой. М. : Минувшее, 2011. 480 с.

10. Мартынова, Ольга. Дачная жизнь русских дворян в Финляндии [Электронный ресурс] // E-finland. 2017. 1 февраля. URL: <http://e-finland.ru/info/history/dachnaya-zhizn-russkih-dvoryan-v-finlyandii.html>

11. Маслова, Елена. Музей жизни // Орловская городская газета. № 30 (263). 2015. 7 августа. С. 14.

12. Мир Леонида Андреева /Автор и сост. О. В. Вологина. Орёл : Изд. Александр Воробьёв, 2013. 18 с.

13. Роденков, А. Печи и камины дачи Леонида Андреева на Чёрной речке [Электронный ресурс] // Fireplaces&Stoves Каминны и печи: журнал. 2011. № 5 (09). 7 ноября. https://terijoki.spb.ru/old_dachi/od_papers.php?item=5

14. Фальковский, Ф Н. Воспоминания о Горьком и Андрееве / Публ. А. И. Наумовой // Литературное наследство. Т. 72: Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка / Ред. И. С. Зильберштейн при участии К. П. Богаевской; Подбор ил. В. Н. Чувакова и Н. Д. Эфрос. М. : Наука, 1965. С. 594–597.

~